

Удача

Голос А Шу звучал встревоженно и громко, но Сяо Жун уже провалился в тяжелое, путаное забытье. Юноша несколько раз встряхнул господина за плечо, но тот не отозвался, и тогда, осознав серьезность положения, слуга бросился за подмогой.

Первым делом он поспешил к Гао Сюньчжи, который жил по соседству. Канцлер был уже в годах, ложился рано и спал чутко, а потому проснулся от первого же шума за дверью. Велев страже зажечь фонари, он вышел на порог, но, услышав о сильном жаре Сяо Жуна, мигом утратил привычное спокойствие. Оттолкнув с дороги замешкавшегося воина, старик поспешил в покои юноши.

Завертелась привычная при болезни суэта: в комнатах зажгли светильники, послали за лекарем, принялись мерить пульс и разводить огонь для варки снадобий. Сяо Жун, как бы глубоко ни спал, в конце концов очнулся от этого шума.

В те времена еще не знали термометров и не могли в точности измерить температуру, но по яркому, лихорадочному румянцу на щеках Сяо Жуна было ясно — дело плохо.

Пока Гао Сюньчжи расспрашивал лекаря о причинах недуга, Сяо Жун с трудом разомкнул веки и недовольно пробормотал:

— Что за шум... А Шу, чего ты тут застыл посреди ночи, словно стражник на посту?

— Господин, — с нескрываемой тревогой отозвался слуга, — у вас сильнейший жар.

Сяо Жун не сразу осознал смысл этих слов. Лишь когда он поднял руку и коснулся собственного лица, ощутив обжигающее тепло, его глаза широко распахнулись. Он резко, хоть и не без труда, сел в постели и мертвой хваткой вцепился в рукав А Шу:

— Где государь?!

Гао Сюньчжи изумленно обернулся на его голос. Сяо Жун же, не замечая ничего вокруг, продолжал допытываться:

— Куда ушел Великий ван? Что он делает?!

А Шу беспомощно взглянул на канцлера, и тот поспешил на помощь. Бережно разжав пальцы юноши, побелевшие от напряжения, Гао Сюньчжи сел на край кровати и со вздохом произнес:

— Государь, разумеется, поживает в своих покоях. А Жун, ты в таком состоянии, а всё равно печешься лишь о Великом ване.

Сяо Жун замер, бессмысленно глядя на старика.

«Как же мне о нем не печься? — пронеслось в его голове. — Любая моя хворь — исключительно вина Цюй Юньме!»

Юноша не собирался ничего объяснять, он лишь снова и снова допытывался, не натворил ли государь каких-нибудь бед. Но, как выяснилось, сегодняшний день Цюй Юньме провел на редкость обыденно: даже дел у него было меньше, чем обычно. Вечером он выпил несколько кувшинов вина с Юань Байфу и рано отошел ко сну, ни разу не покинув резиденцию.

Сяо Жун окончательно растерялся. Прежде он привык во всем винить государя, и мысль о том, что кто-то другой мог довести его до такого состояния, попросту не укладывалась в голове.

По правде говоря, было бы куда лучше, если бы виноват был Цюй Юньме — по крайней мере, Сяо Жун знал бы, как действовать. А теперь... Его знобило, голова раскалывалась от боли, и мысли, обычно ясные и быстрые, ворочались с трудом. Юноша злился на собственное бессилие, и лицо его стало мрачнее тучи.

Однако Гао Сюньчжи, наблюдая за ним, проникался еще большим сочувствием. Видя скорбную мину А Жуна, он решил, что тот переживает вовсе не за себя, а за государя — боится, что без его мудрых советов Великий ван снова наделает ошибок.

«Боги, неужели в нашем мире еще остались столь преданные и искренние души!» — восхитился канцлер.

Тут же он твердо решил: сегодня он не уйдет. Он останется подле Сяо Жуна, а завтра на рассвете велит страже передать государю, чтобы тот немедля навестил больного. Канцлер сам принялся за работу А Шу: смачивал полотенца водой, бережно отирал лицо и руки юноши. Будь на месте Сяо Жуна кто-то другой, он бы в ужасе отпрянул от такой чести, но А Жун, поглощенный своими думами, ничего не замечал. К тому же за время болезни он привык, что о нем постоянно кто-то заботится.

Стражники, ставшие невольными свидетелями этой сцены, взирали на происходящее с немим изумлением. С тех пор как этот господин Сяо появился в округе, их представления о сильных мира сего рушились одно за другим. Великий ван прислушивался к его советам, генерал Цзянь пекся о его быте, а теперь еще и канцлер Гао собственноручно поит его лекарством. Воины окончательно уверились: Сяо Жун обладает великой, непостижимой силой. Он наверняка всех их околдовал!

***

Гао Сюньчжи поднес ложку к губам Сяо Жуна, и тот на рефlekсах сглотнул горькую жидкость. Это наконец привело его в чувство. Сбивчиво извинившись перед стариком, он поспешно забрал чашу и осушил её одним махом. Сяо Жун прекрасно знал, что его недугу лекарства не помогут, но если бы он отказался, все вокруг уставились бы на него с такой скорбью, будто он намеренно губит себя. Несколько раз попытавшись объяснить, он понял, что проще всё-таки выпить.

Тщательно перебрав в памяти все события, он так и не смог придумать, какая беда могла грозить Цюй Юньме в этот час. Он сказал государю, что Сын Будды вернется не раньше этого месяца и не позже следующего, но это была лишь уловка — Сяо Жун точно знал, что монах прибудет лишь в следующем.

В Куче тот попал на время летнего затворничества и целых три месяца не мог тронуться с места. А когда наконец добрался до Центральной равнины и оказался в Аньдине, началось затворничество нового года. В те времена монахи строго следовали уставу: летом они не покидали обителей, боясь случайно раздавить насекомое и тем самым совершить грех убийства.

Сын Будды вынужден был остаться в Аньдине. Глядя на пепелище, в которое превратился некогда великий город, он вспоминал былое величие Чанъаня и дни напролет читал сутры за упокой погибших душ. И лишь когда срок затворничества истек, он отправился напрямик в Южную Юн.

В истории трагедия Аньдина была неразрывно связана с именем Цюй Юньме. И хотя тот сам был жертвой обстоятельств, недоброжелатели выставили всё так, будто из-за его жажды мести и неумения командовать город пал под ударом сянби. Верил ли Сын Будды этим наветам — неизвестно, но он без колебаний отвернулся от Цюй Юньме, даже не помышляя о том, чтобы остаться на его землях и стать опорой его власти.

Сяо Жун не понимал: даже если он немного ошибся в датах, Сын Будды не должен был разочароваться в Армии Чжэньбэй. Аньдин сейчас процветал, а его жители питали искреннюю благодарность к своему спасителю. Перехватить монаха в пути тоже никто не мог — если только в этот мир не забросило еще одного несчастного с Системой...

Когда Сяо Жун о чём-то напряженно размышлял, он переставал замечать окружающее. Поэтому он вздрогнул, обнаружив, что Гао Сюньчжи уже отослал слуг и теперь пристально наблюдает за ним.

— Канцлер? — осторожно спросил юноша, немного отодвигаясь.

Старик мягко улыбнулся:

— А Жун, есть один вопрос, который я давно хотел тебе задать.

Сяо Жун моргнул:

— Прошу вас, спрашивайте.

Услышав это, Гао Сюньчжи сначала огляделся, проверяя, нет ли лишних ушей, а затем придвинулся ближе и понизил голос:

— Твоя немощь, эти внезапные приступы и лихорадка... Не потому ли они терзают тебя, что ты раскрываешь тайны небес?

Сяо Жун замер, сохраняя на лице полное спокойствие. Первая мысль, промелькнувшая в его голове, была о Цюй Юньме: «Надо же, сдержал слово, не разболтал, что я ничего не смыслю в гаданиях».

Затем он медленно опустил глаза, изображая нежелание отвечать. Обманывать добросердечного старика он не хотел, но если тот сам что-то себе вообразил — что ж, это уже не его забота.

Как и следовало ожидать, увидев эту молчаливую печаль, Гао Сюньчжи решил, что слова излишни. Он всё понял. Канцлер с чувством сжал его руку и горестно вздохнул:

— А Жун, добрый мой А Жун, как же мне благодарить тебя за твое самопожертвование!

Сяо Жун поднял взгляд и кротко отозвался:

— Мы оба служим государю, к чему эти церемонии. Кстати, как продвигаются дела с переносом столицы?

Гао Сюньчжи замаялся. По правде говоря, он еще и не приступал к этому делу. Раньше его одолевали сомнения, но теперь, глядя на изнуренного Сяо Жуна, он окончательно убедился: раз юноша платит за свои предсказания здоровьем, значит, каждое его слово — истина.

Решимость окрепла в сердце канцлера. Он не мог обмануть ожиданий такого человека.

На следующее утро Гао Сюньчжи, не дожидаясь вестей от стражи, сам отправился к Цюй Юньме. Однако стоило ему лишь заикнуться о переносе столицы, как государь оборвал его на полуслове:

— Я же просил больше не поднимать эту тему.

— Но А Жун... — поспешно вставил старик.

Цюй Юньме запнулся и резко обернулся:

— Это Сяо Жун прислал тебя?

— Ну...

Великий ван сделал шаг вперед, в его голосе зазвучали стальные нотки:

— Он велел тебе уговаривать меня?

— Видите ли...

Цюй Юньме издал холодный смешок:

— Что, он уже и с постели встать не может? Если хочет что-то сказать — пусть явится сам, а не посылает гонцов одного за другим. Канцлер Гао, с каких это пор вы заделались его личным посыльным?!

Гао Сюньчжи молча смотрел на него. Он не чувствовал страха, ибо слишком хорошо знал крутой нрав государя и понимал, что последует за его словами.

— Он и впрямь не может встать, — тихо произнес канцлер после недолгого молчания.

Цюй Юньме опешил.

— Прошлой ночью его свалил сильнейший жар, — продолжал Гао Сюньчжи. — Юноша впал в беспамятство, слуга долго не мог до него дозваться, пришлось срочно слать за лекарем. Тот заключил, что виной всему душевное смятение и пренебрежение отдыхом — тело попросту не выдержало столь тяжкого бремени.

Цюй Юньме нахмурился и выпалил:

— Но он же целыми днями сидит у себя и палец о палец не ударил!

Гао Сюньчжи взглянул на него почти с жалостью:

— Государь, Сяо Жун — ваш советник. Ему не нужно лезть в гущу боя и разить врагов мечом. Ему достаточно сидеть в тишине и думать, тратя все силы разума на благо вашей власти. Но силы человеческие имеют предел. И когда этот предел достигнут, конец один — истощение и смерть.

Цюй Юньме застыл, сверля его яростным взглядом, но не проронил ни слова. Гао Сюньчжи стоял напротив, заложив руки за спину. Он знал этого юношу с малых лет: Великий ван был храбр и могуч, но в чем-то оставался не по годам наивным. Он не был лишен сострадания, он просто порой не понимал очевидных вещей.

Покачав головой, канцлер развернулся и ушел. Лишь на мгновение уголок его губ дрогнул в едва заметной улыбке, которая тут же исчезла.

***

Прошло немало времени, а Цюй Юньме всё стоял на том же месте. Командир гвардии Чжуан Вэйчжи, наблюдавший за ним со стороны, подошел ближе и осторожно предложил:

— Не желает ли государь навестить господина Сяо?

Лицо Великого вана осталось бесстрастным:

— Нет.

С этими словами он резко развернулся и зашагал прочь. Как же он ненавидел этих книжников! Тщедушных, вечно хворающих, но при этом упрямых и вечно лезущих на рожон.

Чжуан Вэйчжи не последовал за ним. Вместо этого он задумчиво посмотрел в сторону покоев Сяо Жуна.

«Видать, государю и впрямь плевать на этого человека. Что ж, тем лучше»

Минули сутки, но жар у Сяо Жуна не спадал, а, напротив, лишь усиливался. А Шу от горя готов был рвать на себе волосы, Гао Сюньчжи тоже не находил себе места, но лекари лишь разводили руками, не в силах понять причину недуга.

Сам же Сяо Жун, хоть и выглядел отрешенным, в глубине души сторал от нетерпения и гнева.

«Кто?! Кто на этот раз вздумал меня известить?!»

Тщетная ярость лишь высасывала последние силы. Гао Сюньчжи, закончив с делами, заглянул проведать больного и, обнаружив того спящим, велел А Шу не смыкать глаз, а сам отправился отдыхать. Всё-таки канцлеру было уже за пятьдесят — в те годы такой возраст считался почтенным. Выдержать одну бессонную ночь было подвигом, но вторая могла окончательно его подкосить.

Наступила ночь. А Шу верно нес вахту подле господина. Он и не думал дремать, то и дело отирая лоб Сяо Жуна влажным платком. Было еще не слишком поздно — едва минула первая стража. В Пиньяне в это время жизнь еще была ключом, и люди спешили по своим делам.

Но в округе Яньмэнь, где всё подчинялось военному уставу, комендантский час начинался сразу после заката. К первой страже большинство обитателей резиденции уже видели сны, и в коридорах воцарилась гулкая тишина.

А Шу сидел неподвижно, глядя на господина, и сердце его сжималось от тоски.

«Если с господином что-то случится, как же старая госпожа перенесет это горе...»

Знай Сяо Жун, что его слуга уже всю планирует его похороны, он бы наверняка очнулся от одного лишь возмущения.

В этой безмолвной тишине внезапно скрипнула дверь. А Шу вздрогнул и обернулся. В комнату вошел человек в доспехах. Присмотревшись, юноша узнал в нем командира гвардии Великого вана и поспешно поклонился. Чжуан Вэйчжи подошел к кровати, окинул взглядом спящего Сяо Жуна и спросил:

— Ты здесь один?

А Шу кивнул:

— Господин не любит, когда в комнате много людей.

Чжуан Вэйчжи едва заметно усмехнулся:

— Истинный благородный муж, исполненный добродетели.

А Шу вскинул голову, в замешательстве глядя на него — слова командира показались ему странными. Он хотел было что-то уточнить, но лицо Чжуан Вэйчжи вдруг преобразилось. Стремительным, отточенным движением он обрушил ребро ладони на затылок юноши. Крик застрял в горле А Шу, и он мешком рухнул на пол. Командир, не теряя ни секунды, перешагнул через него и нанес такой же удар спящему Сяо Жуну.

Убедившись, что тот не скоро придет в себя, Чжуан Вэйчжи оттащил А Шу в угол и прикрыл его тяжелым деревянным сундуком. Затем он решительно вышел из комнаты.

Своим людям он сообщил, что господин Сяо при смерти и государь велел немедленно вывезти его из дворца к лучшему лекарю в городе. Он приказал действовать тихо, дабы не тревожить сон канцлера Гао. Стражники, привыкшие беспрекословно подчиняться своему командиру, не

заподозрили неладного. Цюй Юньме, полагаясь на свою мощь, весьма небрежно относился к охране резиденции — сюда при желании мог проскользнуть даже простой торговец. Выбраться же своим было еще проще.

Подгоняемые Чжуан Вэйчжи, они быстро покинули дворец. Командир велел привязать бесчувственного Сяо Жуна к седлу своей лошади и во весь опор погнал коня прочь. Лишь когда воины поняли, что они скачут к городским воротам, в их душах зародилось сомнение. Но воинский долг был превыше всего: даже сомневаясь, они не смели требовать объяснений.

Оказавшись за городской чертой, в условленном месте, Чжуан Вэйчжи наконец сбросил маску. Он обнажил клинок против своих же подчиненных и, прежде чем те успели опомниться, лишил их жизни.

Когда с кровавой жатвой было покончено, из придорожных зарослей вышел человек. Это был мужчина с уродливым шрамом на лице. Он с опаской взглянул на Чжуан Вэйчжи, а затем грубо схватил Сяо Жуна за волосы, заставляя его запрокинуть голову.

— Такой красавчик... Неужто это он?

Чжуан Вэйчжи уверенно кивнул:

— Он самый. Великий мастер гаданий, в Пиньяне о нем легенды слагают. Это он предсказал беду в области Ичжоу и заранее предупредил власти, чем и сорвал ваш план. В резиденции даже Гао Сюньчжи относится к нему с величайшим почтением.

Ли Сюхэн остался доволен услышанным:

— Превосходно. Инспектор Хуан жаждет заполучить таланты, и такой подарок наверняка придется ему по вкусу. А если и не захочет его принять, то голова этого юноши всё равно станет для нас заслугой. Ты уверен, что Цюй Юньме не дорожит им?

Ли Сюхэн когда-то сам вел этих воинов за собой. Он видел, как рос Цюй Юньме, и знал, что тот в своих чувствах крайностей не ведает. Если бы сбежал такой, как Чжуан Вэйчжи, Великий ван разгневался бы, но не факт, что бросился бы в погоню тотчас. Но если бы речь шла о Гао Сюньчжи — он сорвался бы с места в ту же секунду и не вернулся бы, пока не настиг беглеца.

Чжуан Вэйчжи уверенно подтвердил:

— Я следил за ним не один день. Государю плевать, жив этот книжник или мертв. Он даже на советы офицеров его не зовет — видать, терпеть его не может.

Ли Сюхэн окончательно успокоился. Они вскочили в седла и во весь опор помчались в сторону округа Цзяньнин.

Чжуан Вэйчжи надеялся на Сяо Жуна как на залог своей новой жизни, и Ли Сюэн мыслил так же. Сяньби теперь жаждали его крови, Учение Чистого Ветра использовало его и выбросило за ненадобностью. Единственное спасение он видел в Хуан Яньцзюне. Оставалось лишь уповать на то, что Чжуан Вэйчжи не ошибся и Цюй Юньме действительно безразлична судьба этого юноши.

Надо признать, удача в тот миг явно благоволила Ли Сюэну — два его желания сбылись. Вот только в главном Чжуан Вэйчжи жестоко просчитался: полагаться на чутье вояки в делах сердечных было верным путем к краху.

***

Тем временем в резиденции.

Едва миновала вторая стража. Цюй Юньме, долго боровшийся с собой в тишине кабинета, всё же направился к покоям Сяо Жуна. Он рассудил так: час поздний, юноша наверняка спит. Он лишь перебросится парой слов с тем малым, А Шу, узнает, как дела, и сразу уйдет.

Замерев у порога, он помедлил еще мгновение, а затем решительно толкнул дверь.

<http://bllate.org/book/15355/1417480>